СОВЕТСКИЙ ВЕК

Анатолий Штырбул

НА ИЗЛОМЕ ВЕЧНОСТИ

ХРОНИКА ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Советский век

Анатолий Штырбул

На изломе вечности. Хроника времен Гражданской войны

«Алисторус»
2026

УДК 341.39
ББК 63.3(2)612

Штырбул А. А.

На изломе вечности. Хроника времен Гражданской войны /
А. А. Штырбул — «Алисторус», 2026 — (Советский век)

ISBN 978-5-00269-300-9

Подпольщики готовят покушение на А. В. Колчака, но один из них пытается этому помешать. Американские интервенты в Хабаровске спасают от белогвардейской расправы несколько сот красных повстанцев, укрыв их в своем консульстве. Генерал Гайда, проливший столько крови рабочих и крестьян, теперь совместно с американцами, чехами, эсерами, большевиками и красными партизанами готовит анти-японский и антиколчаковский переворот в Приморье, а в это время Верховный правитель, разругавшись с генералитетом, собирается вернуть Гайду из отставки и сделать своей правой рукой. Нет, это не жанр фэнтези, это - драматические реалии гражданской войны... О великом переломном времени Истории, о празднике революции и ужасах гражданской войны, о людях, волею судьбы оказавшихся по разные стороны баррикад, о вере тех и других в свою правоту и в свою Россию, их радостях и драмах, верности любви и долгу, о предательстве и... о волшебных сказочных музах, которые не умолкали даже тогда, когда крутом грохотали пушки и лилась кровь, - расскажет эта книга. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 341.39
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-00269-300-9

© Штырбул А. А., 2026
© Алисторус, 2026

Содержание

Часть первая 7
Глава 1 7
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Анатолий Алексеевич Штырбул
На изломе вечности
Хроника времен Гражданской войны

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная…
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда!

Звезда любви, звезда волшебная,
Звезда моих минувших дней…
Ты будешь вечно неизменная
В душе измученной моей!

Лучей твоих неясной силою
Вся жизнь моя озарена…
Умру ли я, – ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда!

Романс композитора Петра Булахова
на слова поэта Владимира Чуевского

© Штырбул А. А., 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Часть первая
Грёзы и грозы

Глава 1
Февраль метелей и предчувствий

Третью неделю, не переставая, хозяйничали в городе и вокруг него метели, и весь он, убаюканный вьюгой, казалось, спал, укрывшись сугробами, словно пуховыми одеялами.

«Вьюги да метели под февраль прилетели»…

Этот полусонный сибирский город, трижды столица: губернии-области, краевого генерал-губернаторства и военного округа, – территории величиной с Западную Европу, – весной менял свой вид и вплоть до конца осени становился загадочным, магическим и в чем-то даже европейским.

Но до весны и тем более до осени в этом тяжелом, уже третьем военном году предстояло ещё дожить.

Зато в казармах всё вертелось как заведённое.

Каждый месяц от городского вокзала, погрузившись в эшелоны, убывали на фронт всё новые и новые маршевые роты, укомплектованные в основном сибиряками.

Западный, Юго-Западный, Кавказский фронты…

На какой попадет он, Владимир Яхонтов, на днях заканчивающий ускоренные, военной поры офицерские курсы?

А может быть…

* * *

К югу от города кое-где ещё тлели угли восстания, полыхнувшего так страшно летом прошлого года в Туркестанском и Степном краях, когда вышел царский указ о мобилизации на фронты Великой войны инородцев-мусульман.

Джизакский уезд, Семиречье, Тургайская область… Киргизы, каракиргизы, туркмены, сарты… Волнения в Ташкенте…

В земледельческих селах лесостепи – русских, украинских, белорусских, немецких – были случаи похищения мятежниками людей и увода их в степь и далее, в качестве рабов – в Бухару, Хиву, Афганистан…

Турецкая агентура пыталась проникать в районы восстания и воздействовать на повстанцев в выгодном для себя направлении.

Во второй половине 1916 года пылающие языки пожара восстания полукольцом подступали к Омску с юго-востока, юга и юго-запада; в этих направлениях в 150–200 верстах начиналась зона боевых действий.

Из города в степь сбежали почти все грузчики-киргизы, которые раньше казались ему, Володе, безобидными тружениками… Насколько может быть непредсказуем народ, доведенный до крайности, до греха…

Поговаривали о возможности возникновения нового, ещё одного фронта Великой войны – Туркестанского…

Володе вспоминалась одна из любимых книг: «Мишель Строгов» Жюля Верна, изумительного издания Сытина 1900 года. В ней рассказывалось, как во время грандиозного восстания тюркских народов – киргиз-кайсаков, каракиргизов, татар и других – в Южной Сибири и степи начала 60-х годов, то есть каких-то 55 лет назад, огромное войско повстанцев во главе с государственным преступником Огарёвым, объединившись с союзным войском бухарцев во главе с Феофар-ханом, движется к Иркутску и осаждает на своём пути Омскую крепость. А в это время с важным секретным заданием императора из Петербурга в Иркутск спешит молодой и красивый фельдъегерь Михаил Строгов, сибирский казак и омич по происхождению. По дороге он встречает девушку, которая тоже следует в Иркутск к своему отцу – политссыльному революционеру, а в Омске, наполовину захваченном врагами, с ними происходят самые удивительные приключения.

И хотя восстание с осадой Омской крепости – творческая выдумка Жюля Верна, но тем не менее в событиях романа отразилось довольно серьезное восстание киргиз-кайсакского хана Кенесары Касымова 1837–1847 годов. Действуя на огромной территории степи от Тургая до Семипалатинска и от Акмолинска до Семиречья, его войско сожгло Акмолинск и пыталось двигаться в сторону Омска, но было остановлено и разгромлено. И вот… История повторяется?..

Володя едва избежал отправки в составе очередного экспедиционного отряда в степь, на подавление мятежа.

Он заканчивал курсы младших офицеров военной поры…

* * *

В конце февраля он должен был быть произведен в младшие офицеры и с очередной маршевой ротой отправиться на фронт, в действующую армию.

В мрачных, холодных и сырых казармах из 20-летних юнцов выбивали штатскую расхлябанность, непочтительность к начальству, вольнодумство. Во дворе казармы и на площади перед ней в любую погоду обучали маршировать до упаду, колоть штыком чучело, козырять

офицерам и «становиться во фрунт» перед генералом. За недостаточное усердие, иронические улыбки во время зубрежки уставов и другие проступки сыпались наказания – от внеочередных нарядов и лишения отпуска до карцера и отдачи под суд.

После двух-трехмесячной обработки призывников с образованием направляли в краткосрочные юнкерские школы, где продолжали муштровать и откуда через четыре месяца выпускали полузнаек – второсортных офицеров военного времени, так называемых «прапорщиков», о которых профессиональные военные презрительно отзывались: «Курица – не птица, прапорщик – не офицер».

А в городе…

Раненые, увечные, беженцы, военнопленные.

На немцев, австрийцев, мадьяр, словаков, чехов, галичан, трансильванских румын смотрели без злобы: уж очень жалкий вид был у них у всех, а работали они как проклятые, радуясь, что для них война уже позади.

Военнопленные строили в городе несколько грандиозных зданий (да, без преувеличения, именно грандиозных!), которые могли бы украсить и Москву, и Санкт-Петербург и от которых город становился ещё краше и величественнее: Управление Западно-Сибирской железной дороги, здание Судебных установлений, учебный комплекс сельхозшколы. Строили с энтузиазмом: хоть и за похлебку работали, а всё же это лучше, чем фронт.

Ведь никто не хотел умирать…

Под концлагерь для пленных была отведена территория выставки 1911 года с её причудливыми, сказочными павильонами…

Шепотом курсанты поговаривали о листовках, об очередной забастовке в городе, о бегстве мобилизованных киргизов-грузчиков обратно в степь, об убийстве в далеком Петрограде Распутина, о приближавшихся событиях… О белых цензурных полосах в газетах: этих полос становилось всё больше и больше.

Газеты в казармах были запрещены, но курсанты, попадая в увольнение или же сквозанув в самоволку, иногда раздобывали и приносили их, ещё пахнущие свежей типографской краской, и тайком читали. Из газет можно было узнать много, но при этом очень мало из того, чего хотелось бы узнать.

Из газет:

ВЕСТИ С ФРОНТОВ

Западный фронт. Цепи противника, пытавшиеся наступать после сильной артподготовки на наши позиции севернее ф[орта] Шмарден и близ северо-западного угла болота Тируль (западнее Риги) были загнаны нашим огнем обратно в свои окопы. <…>

Юго-Западный фронт. Австрийцы взрывают мосты на Буге, надеясь остановить русское наступление на Львов. Железнодорожное сообщение между Львовом и Тарнополем прервано.

На помощь австрийцам приходят германцы. Усилия Гинденбурга, очевидно, сводятся к тому, чтобы удержать наши войска, усиленно переправляющиеся через Липу, на путях ко Львову.

Румынский фронт. Перестрелка и поиски разведчиков.

Кавказский фронт. Под напором турок наш отряд в Персии с боями отошел в район восточнее Керманшейха.

Черноморский флот. Нашей подводной лодкой утоплены у Босфора 4 шхуны, и 3 шхуны принуждены ею выброситься на берег, где их разбил шторм.

Новый командующий Черноморским флотом. Контр-адмирал Александр Васильевич Колчак произведен в вице-адмиралы с одновременным назначением командующим вместо адмирала Эбергарда.

У союзников

Война в колониях. Лондон. 22/VII. Официально сообщается: главнокомандующий английскими войсками в Египте информирует, что утром 21 июля 2 неприятельских аэроплана атаковали расположенный у озера Тимзабуда город Исмаилию, сбросив большое число бомб, но не причинив никаких повреждений.

Успехи сербов Корфу. 9/VII. Начались бои сербов с болгарами на территории Греции. Сербские войска овладели высотами к северу от Севрияны, Новидя и Струпина.

Наши герои

Париж, 21/VII. В официальном сообщении, опубликованном в печати, содержатся подробности активного выступления русской бригады, недавно прибывшей на фронт Шампани, и подчеркивается сила отпора, оказанного русскими при первой неприятельской атаке. <…>

ПО РОССИИ

Борьба с немецким засильем

Петроград. В комитете по борьбе с немецким засильем разбирается вопрос об освобождении русской нации и, в частности, русской Высшей школы, от немецкого влияния. <…>

Комитет борьбы с немецким засильем рассматривает вопросы о ликвидации в России известных фирм: Кунцендорф, Артур Коппель и Яков Иосиф Кон.

К карточной системе

Министерство земледелия спешно разрабатывает для Особого совещания по продовольствию доклад о необходимости повсюду в Империи ввести карточную систему на сахар. <…>

МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

Хроника

Вчера в присутствии чинов полиции было вылито в канаву по улице Бухгольца семь бочек вина; собравшаяся публика с жадностью следила за уничтожением «добра».

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ!
КРИСТАЛЛ-ПАЛАС
Грандиозная драма
Пять ночей безумной страсти
Высокохудожественная постановка
В 5-ти актах
По роману В. Кросс
Акт 1-й.
Ночь приключений юного сердца

Акт 2-й.
Ночь радостей, любви и страсти
Акт 3-й.
Ночь запретной любви
Акт 4-й.
Ночь ревности и крови
Акт 5-й.
Ночь искупления и счастья неземного

ТЕАТР «ОДЕОН»
КАК ЦВЕТОК, СЕДЦЕ ВЯНЕТ
Драма в 4-х частях

Исключительный по захватывающей фабуле
боевик в 6-ти отделениях
Американская постановка
ПОХОЖДЕНИЯ ДЖЕКА-ГОЛОВОРЕЗА
ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ
Продаются
двигатели нефтяные, 10 сил.
Проломная, 4, тел. 658.
Продается
буксирный пароход,
справляться в конторе Гутермахер,
Учебная, 31, тел. 3–68.

Пароход
«КОММЕРСАНТ»
Т-ва «А. К. Русанов»
Совершает рейсы
Один раз в неделю
в Тару
и
в Черлак
Недорогой фрахт

Акушерка
Пуцято
принимает на дому во всякое время всех, желающих родить, не исключая и секретных рожениц
[Ул.] Большая Луговая, Д. № 6.

*** * ***

О том, что будет революция, стали шепотом говорить еще с ноября 1916-го, вскоре после растиражированного в оппозиционных газетах громкого выступления в Государственной думе депутата и лидера умеренной оппозиции Павла Николаевича Милюкова «Глупость или измена?».

А тут еще и «распутинщина». В газетах о ней уже и открыто писали, а слухи ещё больше пикантных подробностей добавляли. Говорили, что царь – на поводу у какого-то сибирского мужика (здесь на душе у сибиряков *невольно* наворачивалась гордость!), проходимца, шарлатана и бывшего конокрада. Распутин якобы советы всякие царю раздает, министров и генералов назначает, в баню с царицей и четырьмя царскими дочерями ходит.

В это кому-то не хотелось верить, а кому-то очень хотелось.

Володя, как и многие другие, ждал революцию. Ему казалось, что она всё и сразу изменит, и изменит к лучшему. Начнется какая-то совсем другая, полная радости и счастья жизнь. И конечно, сразу же закончится эта ужасная война…

Вспоминал свое детство: рано остался без родителей, и если бы не бабушка, то попал бы в приют. Полуголодное детство, учеба в гимназии, на которую у бабушки уходили последние деньги. Аккуратная бедность как устоявшаяся жизненная реальность. Рано обнаружились гуманитарные способности, склонность к истории и литературе. Зачитывался историческими романами Скотта, Дюма, Гюго, Стивенсона, Мериме… Окончание гимназии, подработка уроками для детей в богатых семьях. Успешная сдача экстерном экзамена на должность народного учителя.

И почти сразу после этого – война. Мечты о поступлении в университет, один из ближних – Пермский или Томский – пришлось оставить.

Володю призвали не сразу: около двух лет он по возрасту не подлежал призыву. Работал в гимназии, продолжал давать частные уроки.

В середине шестнадцатого его призвали, отправили в один из сибирских гарнизонов, а вскоре, как человека, обладавшего каким ни на есть образованием, направили на ускоренные офицерские курсы. По их окончании он должен был убыть на фронт.

Говорили и в газетах сообщали о какой-то гигантской страшной комете, которая в 1917 году приблизится к Земле и коснется её своим огненным хвостом…

*** * ***

Революцию ждали, но пришла она всё же как-то внезапно.

Вести о свержении самодержавия прилетели в город в первых числах марта 1917 года.

В ночь со 2 на 3 марта [1] телеграф отстучал:

2 марта государь-император Николай II Романов отрекся от престола за себя и своего сына, наследника Алексея, в пользу брата, Великого князя Михаила Романова.

Фактическая власть находится в руках Временного правительства, образованного Временным комитетом Государственной думы.

Общество и население Петрограда единодушно поддерживает смену власти. Весь гарнизон на стороне революции. Идут аресты жандармов.

В казарме роты N-ского сибирского стрелкового полка (куда Володя был распределён всего две недели назад и назначен командиром роты), за полночь, когда намаявшиеся за день усталые солдаты уже спят тяжёлым, глубоким и беспробудным сном, дежурный по роте младший унтер громко и радостно крикнул:

– Братцы, подъём! Царя скинули!

[1] До 31 января 1918 г. все даты приводятся по старому стилю, действовавшему тогда в России.

Солдаты тяжело заворочались, но никто не вскочил, как это бывает при команде «Рота, подъём», и только несколько человек выругались в полусне, а кто-то всё же нашёл в себе силы и смелости запустить в дежурного сапог.

И вдруг чей-то полусонный голос спросил:

– Чего-чего, а ну повтори?

– Царя, говорю, скинули к чёртовой бабушке!

И казарма забурлила, загомонила, как встревоженный пчелиный рой.

А в городе по мере стремительного распространения новостей и осознания грандиозности событий собирались кучки людей и росли, буквально на глазах превращаясь в толпы, а эти толпы так же стихийно и уже неизбежно превращались в митинги.

На этих митингах люди о чём-то оживлённо спорили. Гудели трубы заводов, а в заводских коллективах уже выбирали депутатов… Совета!!!

Было утро 3 марта 1917 года.

Полицейские и жандармы как-то сразу исчезли с улиц.

В этот же день к вечеру практически на всех более-менее крупных предприятиях города выбрали депутатов, и в некоторых частях гарнизона – тоже.

Глава 2
Весна свободы долгожданной

Большой полусонный город как будто подменили!

Созданы Совет рабочих и военных депутатов и Коалиционный комитет общественной безопасности. Они расположились недалеко друг от друга: Совет в здании Московского общества сельского хозяйства в самом начале улицы Лермонтовской, а Коалиционный комитет – в здании Городской думы на улице Полицейской.

В помещении Совета многолюдно, а накурено-то как! Делегаты-депутаты ещё не освоились, но держатся деловито и на ходу осваиваются с непривычным положением *людей власти*. И на ходу же решаются важные вопросы, останавливаться нельзя, нужно действовать.

– Кто пойдёт арестовывать губернатора?

И уже через три часа по их постановлению арестованы губернатор Сухомлинов (брат провального военного министра, снятого с должности ещё при царе), губернатор Колобов и вице-губернатор Князев, а также начальник Жандармского управления Козлов и полицмейстер города Пузырёв. Ещё накануне вечером двое из «губернаторской тройки» присутствовали в Городском театре на оперетте «Мадам Баттерфляй», важно расположившись в губернаторской ложе.

Именно в эти дни Володя и познакомился с Сергеем Немчилиным, тоже младшим офицером: тот возглавил отряд для ареста губернатора, и Володя решением полкового собрания с одобрения только что возникшего Совета был включен в этот отряд как один из двух помощников Немчилина.

В щегольски подогнанной форме, стройный (хотя и чуть полноватый), подтянутый, франтоватый, уверенный в себе, Немчилин производил впечатление на многих, и особенно на дам.

В глухую полночь с 3 на 4 марта Немчилин и ещё двое младших офицеров, в том числе Володя, с приданной им ротой солдат вышли с территории крепости на Шпрингеровскую улицу, миновали Серафимо-Алексеевскую часовню, прошли по Железному мосту через Омь. Двигались по всем военным правилам: перебежками, а иногда даже и ползком.

К губернаторскому дворцу подошли незаметно. Обезоружили двух часовых у входа и внезапно ворвались в караульное помещение.

Охрана не успела взяться за оружие. Обезоружив караул, Немчилин с тремя солдатами осторожно направился к спальне Сухомлинова. У дверей спальни стоял казак, который был разоружён.

Немчилин вошёл в спальню и объявил проснувшемуся Сухомлинову о его аресте. Сухомлинов дрожал, не мог одеться. Ему помогли.

– Но мы же ещё вчера заявили о поддержке новой власти и готовы ей служить верой и правдой, – растерянно пробормотал Сухомлинов.

– Но вот новая власть не готова оставить вас у себя на службе, – с веселым оттенком в голосе ответил ему Немчилин.

– Посидели на шее, – будя! – сурово добавил пожилой солдат.

– И что же со мною теперь?.. – то ли у Немчилина, то ли у себя тихо и дрожащими губами спросил генерал-губернатор.

Часа в три ночи Сухомлинов был доставлен в Городскую управу.

Туда же были доставлены начальник жандармского управления Козлов и полицмейстер Пузырёв. Из Городской управы арестованные были препровождены в тюрьму.

Володя, да и, наверное, не только он один, ощущал в эти дни какую-то удивительную и радостную сказочность происходящего!

Из газет:

Анонсы газет 2–3–4 марта:

В Петрограде – государственный переворот

Аресты министров и сановников
ВЕСТИ С ФРОНТОВ
Западный и Юго-Западный фронты
На фронте без существенных перемен. Снегопады. Перестрелки. Поиски разведчиков.
Румынский фронт
Наши войска при взаимодействии с румынскими союзниками оставили незначительную территорию с несколькими сёлами и отступили на заранее подготовленные позиции.

Кавказский фронт
Перестрелки и поиски разведчиков. Метели. В результате смелого наступательного броска русские войска заняли Керманшейх.

Отречение Государя-императора от престола
<…>

В России – новое правительство!

Временный комитет Государственной думы объявил о создании Временного правительства во главе с известным и авторитетным общественным деятелем князем Г. Е. Львовым. Правительство будет действовать до начала работы Всероссийского Учредительного собрания, созыв которого планируется в течение ближайших месяцев.

Приказ № 1
Петроградского совета Рабочих и Солдатских депутатов
Гарнизону Петроградского Военного округа
1 марта 1917 г.
<…>
МЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

Репортаж

3 марта с 6–7 часов вечера начались митинги: в Общественном собрании – митинг штатских. В Гиганте – собрание военных.

В это же время в помещении городской управы заседал Коалиционный комитет. А в помещении Омского отдела Московского общества сельского хозяйства – Совет рабочих депутатов. На улицах было оживление. Кафе, рестораны, кинематографы, театры работали, как и всегда.

В театре шла опера, на которой присутствовал вице-губернатор Князев, много военных, среди них – генералы, штаб- и обер-офицеры, словом, театр представлял обычную картину.

В двенадцатом часу ночи Совет рабочих депутатов вынес своё решение: арестовать представителей старой преступной власти и заменить её представителями первой демократической власти.

Коалиционный комитет назначил губернатором Акмолинской области И. П. Законова (член Окружного суда) и вице-губернатором Н. И. Лепко (гражданский инженер, председатель механического отдела областного Военно-промышленного комитета).

К часу ночи [4 марта] митинг в Собрании закончился. В «Гиганте» митинг продолжался до 3 часов ночи. На митинге в «Гиганте» присутствовало до 1500 человек. В 3 часа ночи участники митинга разошлись по своим частям и начали агитационную работу.

5 марта в Дом Республики (ещё вчера – Дворец генерал-губернатора!) переехал Коалиционный комитет и Совет рабочих и военных депутатов, – на первом этаже разместился Коалиционный комитет, на втором – Совет.

Новый командующий войсками округа

На общем собрании командного состава войск местного гарнизона, состоявшегося 3 марта в Военном собрании, командующим войсками Омского военного округа избран начальник 53-й ополченческой бригады генерал-майор Василий Степанович Гаврилов. <…> Против генерала Гаврилова высказалось только трое из более 1000 участников. Столь единодушный вотум доверия командный состав объясняет твёрдой уверенностью, что генерал Гаврилов, уже ранее пострадавший за свои независимые либеральные взгляды, вполне оправдает оказанное ему доверие. <…> Профессиональный военный, он накануне Великой войны оставил службу в военном ведомстве. В течение некоторого времени занимался адвокатской практикой и числился присяжным поверенным, а также состоял председателем Коммерческого клуба, но в связи с началом войны был вновь призван в ряды Русской армии.

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ!
ТЕАТР «ПРОГРЕСС»
Жуткая правда из жизни
веселящейся столицы
«В Золотой паутине Москвы»
[Кино]драма в 5-ти актах
В главной роли любимец публики,
артист Императорских театров
В. В. Максимов

Театр «Одеон»
Лучший боевик фабрики Ханжонкова
«ЛЕГЕНДА ЧЕРНЫХ СКАЛ»

«ОПАСНЫЙ ВОЗРАСТ»
(Женщина в 40 лет)
Сильная драма в 5-ти частях
по роману Михаэлис

* * *

6 марта – митинг граждан города и войск гарнизона на площади перед Успенским кафедральным собором. Большинство участников – с красными бантами на груди. Военный

парад. Демонстрантов приветствуют вставшие на сторону демократической революции генералы Думбадзе, Гаврилов, фон-Таубе. Митинги в кинотеатре «Гигант».

Кругом революция, радость, эйфория.

Общим решением Совета и Коалиционного комитета местная полиция упразднена и вместо неё организована народная милиция.

На все гарнизоны страны, в том числе Омский, распространён «Приказ № 1 Петроградского Совета» о создании солдатских комитетов во всех подразделениях (от роты до Военного округа!) и их широких полномочиях.

Володя избран солдатами своей роты в Полковой комитет, в Гарнизонный комитет, а там уже был введён в Военный отдел Совета и назначен в Комиссию по разбору архива бывшего Жандармского управления.

Первое собрание воссозданной после чудовищного разгрома в январе 1912 года Омской организации партии социалистов-революционеров – ПСР. Собралось человек 40.

Володя тоже присутствовал на этом собрании в качестве симпатизирующего. С восхищением смотрел на ветеранов эсеровского подполья: Дербера, Паскевича, Першачёва, Рухлядьева, Михонова-Фролова, Котлова, Сулина, Ишмаева. Они казались ему почти мифическими героями прошлого героического периода партии, каким-то чудом попавшими в современность. А всё происходящее вокруг казалось радостным, радужным и одновременно каким-то обыкновенным, обыденным.

Общественная деятельность захватила Володю. Весь март в Совете заседали почти безвылазно: постоянные прения, обсуждения, постановления:

Слушали: О чествовании героев, павших в борьбе с самодержавием.
Постановили: Перенести чествование памяти героев с 23 на 26 марта [1917 г.].

Слушали: Об освобождении от работы депутатов с сохранением за ними заработка.
Постановили: Освободить депутатов от работы, которую они выполняли на предприятиях и в учреждениях, а также в воинских частях до избрания их в Совет. При этом их заработок (заработная плата или жалованье) за ними сохраняется. Их руководству и начальству вменяется регулярно выплачивать им этот заработок.

Слушали: Об игре в лото в Общественном собрании и Коммерческом клубе.
Постановили: Игру в лото признать безусловно азартной и в означенных учреждениях прекратить её раз и навсегда.

Слушали: О торжественной встрече Бабушки Русской Революции Екатерины Брешко-Брешковской, следующей из сибирской ссылки в Европейскую Россию.
Постановили: Войдя в контакт с Коалиционным комитетом, подготовить торжественную встречу к 10 марта (планируемая дата следования Бабушки через Омск).

У социал-демократов – раскол, и в городе – сразу две организации. Первая – это объединённая местная РСДРП, в которую вошли меньшевики (интернационалисты и умеренные оборонцы), а также крохотная горстка большевиков, а крайне правые оборонцы объявили себя местной организацией Всероссийской группировки «Единство».

У эсеров пока всё спокойно.

* * *

«Революционный деятель» – Володя всё ещё не мог привыкнуть к этому новому своему качеству и званию.

Теперь ему разрешалось жить на съемной квартире, а в казарме нужно было появляться только раз в неделю на поверку или если командир полка специально вызовет.

Он снял небольшую комнатку на Проломной в доме у подрядчика и домовладельца Егора Егоровича Пантелеева.

Племянница Егора Егоровича, шестнадцатилетняя Лиза, – большеглазая, слегка полноватая, изысканно-обворожительная, почти всегда восторженная, но при этом тихая и скромная гимназистка.

Её родители (отец Лизы был братом Егора Егоровича) скромно жили в далёком захолустном Вилюйске, и по предложению дядюшки два года назад отправили её в Омск для получения хорошего образования. Он души в ней не чаял. Будучи овдовевшим, бездетным и одиноким, Егор Егорович завещает Лизе всё своё состояние – два небольших доходных дома и торгово-строительную контору. И уже начал подыскивать ей подходящего жениха.

Володю встретил оценивающим взглядом и с некоторым подозрением как комитетчика. Но, узнав, что он не большевик и вообще беспартийный, смягчил свой нрав и в разговорах стал выпытывать у Володи: кто он, откуда, о родителях, что собирается делать дальше, не хочет ли пойти по коммерческой части, есть ли у него невеста, ну и тому подобное.

– Двадцать лет назад, – делился он за столом с Володей своим жизненным опытом и успехами, – я только-только свое собственное дело начинал (а мне уже за тридцать было). И у меня – ну ничего, кроме образования, небольших сбережений, стратегии и стремления разбогатеть – ничегошеньки не было. Вот этот дом я десять лет назад поставил. А потом – второй. Сейчас занимаюсь подрядами по строительству частных двухэтажных домов, таких вот как этот. Время, с одной стороны, удобное, труд строителей из-за обилия военнопленных никогда не был таким дешёвым, поэтому выгодно. С другой стороны, спрос на такие дома последнее время заметно упал.

Он на несколько секунд замолчал, о чём-то задумался. Затем продолжил:

– Конечно, за эти двадцать лет я многого достиг. И не собираюсь никому отдавать. Так там в Совете и скажите, молодой человек.

– Да никто пока вроде и не собирается ничего ни у кого забирать, – добродушно парировал Володя.

– Вот именно: «пока»! В общем, пусть только попробуют.

– Но ведь Господь велел делиться! – весело вмешалась в разговор Елизавета.

– Ну, вот пусть он и подаст!

* * *

Немало времени отнимала работа в комиссии по разбору дел жандармского управления – ЖУ.

Работа предстояла колоссальная. Многие сотни пухлых папок – дела ЖУ за 1902–1916 годы.

Что в них заносили, что фиксировали?

Дело о первом в Омске народном митинге 20 октября 1905 года. Дело об убийстве генерал-губернатора Литвинова в 1906 году в центре города. Митинг на вокзале при проезде через Омск на каторгу поезда с политзаключенными, среди которых была героическая Мария Спиридонова! (Местные революционеры, эсеры и социал-демократы, точнее наиболее отчаянные

из них, планировали нападение на охрану и освобождение народной героини, но через секретного сотрудника об этом стало известно, и меры охраны были усилены.) Протокол допроса одного из лидеров Омской организации ПСР в 1910 году Александра Брудерера с его росписью и припиской: «Постараюсь сбежать в самом скором времени». Переписка о политической благонадёжности сотен жителей города и прилегающих местностей. Дело о нападении на артиллерийский склад с целью завладения оружием в 1907 году. Цепь экспроприаций, прокатившихся по Омску в том же 1907 году и сделавшая Омск похожим на Одессу.

Переписка о настроениях, о подрывной революционной работе. Эсеровская среда. Ликвидаторские и оборонческие настроения. Газетные вырезки сатирических стихотворений Вани Веселого: «Мины унылые… / Позы тоскливые… / Были давно ли, / Такие крикливые! / Были эсерами, / Были эсдеками, / Нынче же выглядят / Просто калеками… / Выглядят трусами, / Жалкою челядью – / Плачь – разрыдайся / Над этой нелюдью. / Всюду пришибленность, / Всюду уныние, / Будто последствия / Раннего инея! / Речи короткие. / Лица поблекшие. / Нос фиолетовый. / Щёки отекшие». Группа РСДРП по некоторым признакам всё же возобновила свою работу после четырех лет её отсутствия – в декабре 1916 года. А вот эсеры так и не сумели до самого свержения царя.

Интересно последнее дело, начатое в конце января 1917 года и закрытое вторым марта, накануне ликвидации Жандармского управления. В нем: переписка о политической благонадежности разных лиц и, отдельно, сведения о знаменитом германском диверсанте Лембуме, который якобы выехал в Сибирь для производства взрывов железнодорожных мостов на реках.

Очень забавляли рукописные доносы благонамеренных обывателей (теперь-то забавляли, а тогда результатом доноса были задержание и арест тех, на кого доносили):

Милостивый Государь!

Г-н Полицмейстер!

Вы конечно знаете, что в нашем городе по Атаманской улице проживает гимназист Феодоров. Сей субъект, принадлежа к партии революционеров[,] хранит у себя на дому взрывчатые вещества и начиняет ими бонбы[,] которые увозятся от него неизвестно куда. В настоящее время у него находится типография и оружие (револьверы сист[емы] браунинг) и заряды к ним, которые привезли к нему сегодня днём на двух санях, закрытых сеном, а также устраивается убийство Г-на Алентoрова, которым он руководит. Так вот у этого субъекта нужно произвести обыск и арестовать его можно 26-го декабря вечером в здании военно-пожарного общества[,] где помещается правление союза приказчиков, в означенном здании идёт спектакль «В старые годы» кажется, где он суфлирует. В кармане в портмоне у него помещается сборный лист означенной партии. Дома же Вы его навряд застанете.

Свою фамилию я излишним считаю ставить.

«За Царя-Батюшку».

В Полицейское управление. Срочно. Верноподданнейше сообщаю вам, что вот прямо сейчас в доме по улице Луговая, 10, у квартирующего Доната Михайлова, коий является учащимся Фельдшерской школы, собралось, помимо означенного Михайлова, еще пять молодых людей – учащихся Механико-Технического училища, Фельдшерской школы и Учительской семинарии, среди которых исключенный ранее из означенной семинарии Мейер, переодетый в казачью форму (исключен без права поступления ввиду несомненного участия в попытке разбить окно в квартире директора и за

вредное влияние на товарищей). Все шестеро в настоящее время сидят за столом, пьют водку и пишут противуправительственные прокламации.

Неравнодушный.

Считаю своим долгом сообщить (хотя Вы, верно, и без меня это знаете), что всей революционной смутой в нашем городе и его окрестностях руководит шайка наиболее влиятельных евреев во главе с главным евреем города, Вам небезызвестным, наверное, Мордухаем (Мордкой) Струлевичем. Означенный Мордка является лицом без определенных занятий, но при этом богатейшим человеком города, имеющим связь с другими городами и с заграницей. По роду деятельности я бы определил его как гешефтмахера. Так вот, Вам наверное известно, что этот гешефтмахер так обнаглел, что сшил себе мундир наподобие генеральского с лампасами и галунами, а на голове носит треуголку наподобие наполеонской, с шёлковым подкладом и парчовой бахромой, а на поясе короткую шпагу с дорогими каменьями на рукояти, коя по заказу изготовлена ему в фирме ювелира Химки Ямпольского, и в таком виде он смеет появляться в общественных местах города. Полагаю, что вверенной Вам властью пора бы уже положить конец этому вызывающему поведению.

За Русь Православную.

Патреот.

Или вот вырезка из местной газеты о культурном уровне полиции, 1904 год:

Блюстители порядка

Недавно полицмейстер города распорядился усилить порядок и, в частности, ввел правило, согласно которому постовые городовые после 9 часов вечера должны останавливать всех прохожих и спрашивать, кто они такие, откуда и куда идут – всех, за исключением интеллигенции.

Приказ был зачитан по полицейским частям и втолкован городовым.

Спустя два дня полицмейстер лично отправился инспектировать постовых.

– Что станешь делать, братец, после 9 часов вечера?

– Так что, вашбродь, буду спрашивать и не пущать публику.

– То есть как? Всю публику?

– Никак нет, вашбродь! Окромя тюлигенции.

– Окромя кого?

– Окромя тюлигенции, вашбродь!

– Хм… А кто такая будет, братец, эта самая «тюлигенция»?

– А это, вашбродь, барышня в шляпках, которая, значит, из гостиных по бульвару ходють и кавалеров заводють!

От информации дух захватывало. И что самое интересное, что Володю особенно поражало – в документах мелькали некоторые из тех деятелей (для Володи – людей почти мифических!), которые вот, на глазах, возглавили Совет, Коалиционный комитет общественной безопасности и другие общественные органы: Дербер, Першачёв, Рухлядьев, Паскевич, Сулин.

Председателем городского Совета избран Константин Андреевич Попов – левый социал-демократ (но не большевик), подпольщик с более чем десятилетним стажем, юрист, присяжный поверенный. Интеллигентный, но суровый и всегда внутренне собранный, он вызывал симпатию у многих, и у Володи тоже. «Как жаль только, что Попов – не социалист-революционер», – думал Володя.

«Я обязательно напишу повесть или, может быть, даже роман о героическом периоде партии социалистов-революционеров!» – решил для себя Владимир.

* * *

В организацию эсеров в течение марта вступили: известный сибирский писатель и журналист Новоселов-Невесов, генерал Гаврилов и до ста молодых офицеров гарнизона. А солдаты стали записываться целыми ротами и даже полками! И Володина рота почти полностью записалась.

А вот из сельской местности стали приходить такие сведения: в ПСР вступают кулаки, купцы, коннозаводчики.

Володя изумлялся: эти-то какое имеют отношение к славной и героической партии социалистов-революционеров?

– Мы всем рады в наших рядах, – успокоил его Вадим Владимирович Паскевич, – все пригодятся на нашей общественной ниве.

И Володя тоже решает вступить в ПСР.

«Только с эсерами, только с ними!»

Откуда-то стало известно о Володиных литературных планах, и Городской комитет поручил вести ему в газете «Земля и Воля» рубрику «Из прошлого нашей партии». И Володя на подъёме написал сразу две статьи: о торжественной встрече общественностью Омска в июле 1906 года тюремного поезда с Марией Спиридоновой и о покушении в том же году на генерал-губернатора Литвинова.

Вскоре за ужином (а Володя там же, у Пантелеевых, и столовался, договорились о завтраках и ужинах, а обедал он в одной из городских столовых, недалеко от Совета) Лиза, когда дядюшка удалился, обратилась к Володе:

– Я прочитала ваши статьи о революционном прошлом наших эсеров! Мне всегда была интересна эта партия, а тут, в нашем городе, оказывается, сколько всего было интересного! Особенно меня потрясла статья о встрече поезда с Марией Спиридоновой и её подругами. Сколько же пришлось вынести и пережить этим женщинам! Я бы не выдержала.

– Ну, в этих статьях ещё далеко не всё, – ответил Володя. – Постараюсь и дальше вас не разочаровать, Елизавета Юрьевна.

Они проговорили ещё около часа, и, кроме прочего, выяснилось, что Лиза очень любит литературу и, между прочим, увлекается творчеством Александра Грина.

По выражению лица Володи она поняла, что о Грине тот раньше не слышал.

– Как, вы ничего не читали у Грина? Ах, это такой писатель! Да, конечно, начинающий, но то, что он *уже* написал…

– А что же он такое написал, расскажите.

Лиза задумчиво прищурилась, чтобы получше вспомнить, и ответила:

– Вот. Сейчас вы по одним только названиям поймёте, о чём он пишет и что это за человек. – Она глубоко вздохнула и на выдохе продолжила, делая небольшие паузы после каждого названия: – «Остров Рено». «Зурбаганский стрелок». «Таинственный лес». «Дьявол оранжевых вод». «Искатель приключений». «Сто вёрст по реке». «Шапка-невидимка».

– А «Шапка-невидимка», – это, наверное, сказка?

– А вот и нет! – радостно, торжествующе и слегка возмущенно парировала Лиза. – Это – как раз о том, ну, почти что о том, о чём пишете вы!

– То есть?

– Это рассказы о подпольщиках! Об эсерах! Вам обязательно, обязательно нужно прочитать этот сборник! И вам повезло: книга есть в нашей семейной библиотеке. Правда, сейчас

нет на месте: я отдала на время одному мальчику. Между прочим, начинающему писателю и поэту. Через неделю он должен вернуть.

* * *

Через несколько дней к Лизе действительно пришёл пухлый щекастый мальчик с очень важным, даже надменным выражением лица. Он вернул книгу.

– Познакомьтесь! – предложила Лиза.

По этикету мальчик, как младший по возрасту, должен был представиться первым, но явно не спешил, поэтому первым представился Володя:

– Владимир Иннокентьевич. Яхонтов.

Мальчик, бросив на Володю подозрительный взгляд исподлобья, сердито буркнул:

– Леонид Артынов.

Уже через два дня Лиза за ужином (опять-таки, когда дядюшка ушёл) поинтересовалась:

– Ну, что вы скажете?

– Действительно, удивительная книга. И она как раз мне кстати. Я только что сам хотел вам рассказать. Она окунула меня в мир подполья, как раз над чем я сейчас работаю.

– Я очень рада, что вам понравилось. Я верю, что у этого писателя – великое будущее! И знаете, после его книг мне очень-очень захотелось путешествовать. Увидеть мир.

* * *

Прочитав «эсеровские рассказы» сборника «Шапка-невидимка», Володя окончательно решил на материалах революционного движения написать повесть или даже роман. И условное, предварительное название сразу же придумал: «*Ночь над городом*».

Запланировал расспросить ветеранов, но их в городе оказалось немного, и не все они из Омска. А вот Дербер, Паскевич, Коряков, Першачёв, Рухлядьев, Касенко, Сулин – от них можно было бы узнать ряд подробностей.

Но вот о том, кто трижды провалил организацию – в 1907, 1909 и в конце 1911 – начале 1912 года, – пока так и оставалось неизвестным.

И он приступает к работе над романом: под свет настольной лампы садится и набрасывает план, намечает линию сюжета и действующих лиц, и… Лиха беда начало, и важен первый шаг! А его исторические сообщения в газету и встреченные в архиве документы начинают органично вплетаться в канву повествования! И герои романа, его романа! – постепенно начинают жить собственной жизнью, не советуясь с ним и его, автора, не спрашивая!

В основу сюжета Володя решил поставить события, связанные с «охотой» на жестокого усмирителя революции, омского (акмолинского) генерал-губернатора Литвинова, убитого подпольщиками-эсерами 15 декабря 1906 г. в центре Омска. Как раз недавно он обнаружил в жандармском архиве эсеровскую листовку, посвящённую этому событию, и снял с неё копию, решив вставить весь ее текст в будущий роман:

Партия социалистов-революционеров

«По делам вашим воздастся вам!»

Граждане!

15 декабря членами Областного Летучего боевого отряда Сибирского Союза партии социалистов-революционеров казнен начальник карательной экспедиции, бывший временный генерал-губернатор Ставропольской губернии генерал Литвинов.

Казнен усмиритель Ставропольской губернии, который не стеснялся в средствах усмирения. Села, которые отказывались писать приговоры под диктовку Литвинова – «чтобы, значит, все по-старому было, чтобы мужики подати платили и рекрутов давали», были безжалостно обстреливаемы артиллерией генерала.

Так, 28 августа по селу Винодельскому целый день грохотали пушки и лопавшаяся шрапнель осыпала село пулями и осколками. Только в одном Винодельском было выпущено 94 снаряда!!!

Этого генералу Литвинову показалось мало, и он арестовал 15 членов местного крестьянского комитета. По приказанию Литвинова стражники и становой жестоко били их нагайками. Изобьют, отольют водой и опять бьют так, что плети были в крови. Такого рода истории генерал проделывал в каждом селе. В результате карательной экспедиции генерала Литвинова было несколько человек убито, десятки раненых и сотни заживо погребенных – засаженных в царские казематы, где их гноят и по настоящее время.

Экспедиция Литвинова, как и всякая другая экспедиция, сопровождалась грабежами, убийствами, калечением и насилиями над женщинами. Крестьяне-ставропольцы рассказывают: «Целых двадцать дней прожил генерал со своими войсками у нас в губернии и за все, что брали, не платили; казаки-осетины тоже не дремали и, пользуясь полной темнотой, грабили, девушек тоже не пропускали, где заметят покрасивее, так за село и утянут. И что было у нас в губернии – то не дай Бог!!! Старики седые говорят, что никогда такого горя не видывали. Так и думали, что разорит генерал нашу губернию дочиста!.[2].

«Я, говорит, от самого царя послан вас, сукиных детей, усмирять. Коли еще забунтуете, то весь суд вам будет два столба да перекладина!..»

Зверская расправа генерала Литвинова с восставшими за «землю и волю» крестьянами очень понравилась самодержавному властелину Николаю II Кровавому, и доблестный генерал был назначен губернатором Акмолинской области. Эту новую почетную для него должность Литвинов принял не без удовольствия, предвкушая совершить ряд новых зверств. По приезде в Омск генерал сказал: «Я умею расправляться с крестьянами, но не менее умело расправлюсь и с Омском». Генерал забежал немного вперед: он действительно «умело» грабил, насиловал, убивал, избивал и сёк крестьян, но сделать то же самое с Акмолинской областью ему не удалось.

В самый разгар деятельности кровавого экзекутора партия социалистов-революционеров выполнила приговор над зверем-палачом.

Мы выполнили приговор народного суда в лице крестьян-ставропольцев. Этот приговор был затаен в глубине сердца каждого честного гражданина.

Литвинов принес на алтарь самодержавного идола всю свою жестокость и только жестокость. И за все свои деяния он получил должное.

Нет больше кровавого генерала Литвинова! Русский народ избавился ещё от одного своего палача! Рухнула ещё одна подпорка самодержавия…

…И настанут дни недалекие,
Когда трон, пошатнувшись, падет
И над русской равниной широкою
Ярко солнце свободы взойдет.

---

[2] Здесь и далее по тексту данного документа – многоточие источника.

Областной Летучий Боевой отряд Сибирского Союза
партии социалистов-революционеров.

– А не рано ли, молодой человек, вы принялись за исторический роман о нашей партии? Ведь самые интересные события могут быть ещё впереди, – полушутливо сказал ему мудрый Вадим Владимирович Паскевич, когда Володя обратился к нему с расспросами.

«Что там такого интересного может быть впереди, – теперь, после свержения самодержавия и окончания героического периода ПСР, в условиях тихой, спокойной и даже немного скучной демократии?» – подумал тогда Володя.

Из газет:

Вести с фронтов

На всех фронтах временное затишье. Перестрелки и поиски разведчиков.

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ!
Театр «Прогресс»
«Первый и последний поцелуй»
Жуткая драма в 5-ти частях

Театр «Русь»
СУФРАЖИСТКА
ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА
Юрий Сопов

Привет

(посвящается освобожденным
ссыльным товарищам)

Вам, томившимся долгие годы,
Вам, борцы в даль умчавшихся лет
Мы, юные дети свободы,
Шлем искренний, братский привет.
То, к чему вы рвались и стремились
Удалось совершить только нам,
Но зато мы вперед шли и бились
По проложенным вами следам.
Вы нам дело и путь указали;
Ваша память вовек не умрет,
И внесет в золотые скрижали
Ваше имя свободный народ.
Так забудьте ж про прежние годы,
Про печаль и тоску долгих лет,
Проведенных вдали от свободы,
И примите наш братский привет.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ
Акушерка Кавалерчик
Многолетняя безупречная практика
Ежедневный приём
с 10 ч. утра до 10 ч. вечера
на дому по адресу:
<…>

* * *

Работая в комиссии, Владимир продолжал внимательно просматривать документы. Перед ним представали славные страницы омских организаций РСДРП и ПСР. Но особое внимание, по понятным причинам, комиссия уделяла деятельности провокаторов и их разоблачению. Плотников («Студент»), Струнин («Круглый»), Трофимов («Защитник»). Наконец-то начинала проясниваться картина периодических провалов революционного подполья в городе. В течение месяца выявили нескольких провокаторов.

Из других городов тоже приходили интересные сообщения на эту тему. В Томске, например, разоблачили провокатора Цветкова, который «работал» в охранке по эсерам, а после Февральского переворота стал начальником милиции города и успел поработать в качестве такового две недели!

И вот, кажется, удача! Комиссия выявила еще одного, Михаила Феодорова, лидера Омской организации эсеров в 1911–1912 годах!

Мать честна́я! Так вот кто мог провалить организацию!

Володя и его коллега, Шатковский, не скрывая торжества, явились в Совет с документами.

Но…

– С Феодоровым поаккуратнее. Не тот случай, – сказал им Попов.

– То есть? Как это?

– А вот так, молодежь! Жизнь сложнее теорий и схем. – Он задумчиво помолчал и добавил: – Есть основания полагать, что Феодоров был внедрён в охранку по решению подпольного руководства с разведцелью. Понимаете?

– Вот это да! А где же он сейчас? Кажется, в настоящее время в Омске его нет?

– В конце пятнадцатого года он вернулся в Омск из нарымской ссылки и сразу же был призван в действующую армию. Жив он сейчас или нет – неизвестно. Но в Омск он точно пока не возвращался.

Вадим Владимирович Паскевич подтвердил: да, с Феодоровым не всё так просто. Он пошёл в охранку… по заданию парторганизации! Сейчас он где-то на фронте, если ещё жив… Кстати, ему по собственной инициативе оказывал содействие и покрывал его деятельность ротмистр губернского жандармского управления Орлов-Ковалевский.

– А где этот Орлов-Ковалевский сейчас?

– Не знаю. Из Омска он был куда-то переведен ещё до революции.

Перед Володей всё шире и шире раскрывалась полная опасностей и романтики жизнь недавнего подполья, жизнь организации, в которой он теперь состоял!

«Напишу, напишу, напишу обо всем этом роман!»

А пока он помещает в газету очередную статью в рубрику «Из прошлого нашей партии».

* * *

И одновременно – рутина собраний, совещаний, комиссий, бумаг…

На заседании Городской думы (где он, по заданию парторганизации, иногда участвовал как представитель-наблюдатель), а потом и в Совете решается вопрос: мостить или нет центральные улицы Омска. Одни, в основном цензовики, – за то, чтобы мостить. Расчёт у них точный: Гордума выделит из городской казны живые деньги, и тогда заказчикам, то есть цензовикам и их людям, обеспечена гарантированная прибыль. Но другие – против. Если мостить – то все улицы, а не только центральные. Но на это денег нет. А если замостить только центральные – через год они всё равно в землю уйдут.

Еще один «важный» вопрос: о проституции в городе!

И – первая трещина в парторганизации эсеров, раскол на правых и левых, правда, еще не организационный, а только идейный. И не по вопросам о земле, войне или передаче власти Советам, а по вопросу: ликвидировать или оставить в городе публичные дома!

Суть: в городе их, только зарегистрированных, 20, а сколько нелегальных, разбросанных по городским окраинам, особенно в «Нахаловке», – никто и не считал! Левая часть эсеровской организации требовала ликвидировать дома терпимости на том основании, что они несовместимы с новым общественным порядком и грядущим светлым будущим.

Правая часть эсеров, особенно заправилы местной кооперации Куликов, Котляров, Парунин и ряд других, вместе с фракцией партии кадетов и группой домовладельцев в Гордуме выдвигали следующий аргумент: существование легальных публичных домов даст возможность контролировать проституцию, проституток, их здоровье, а значит, держать хоть под каким-то контролем венерические заболевания. В случае же закрытия публичных домов проституция всё равно останется, но уйдет в «подполье», что грозит распространением сифилиса, гонореи и других венерических заболеваний в городе и губернии.

И вот это вот – революция?

Нет, не такой он её себе представлял. А вот то, что было до Февраля, особенно в 1905–1907 годах, казалось иным, героическим, великим и почему-то очень-очень далеким, хотя с тех пор прошло всего каких-то десять – двенадцать лет…

«Будни революции», – успокаивал он себя.

* * *

После работы иногда шёл в канцелярию полка, отмечался.

Проверял, как дела в роте. Приступив к общественным обязанностям, он оставил её на попечение своего заместителя, подпрапорщика Иванова и фельдфебеля Кабанцева.

Иван Кабанцев, молодой, лет под тридцать, из крестьян, был обыкновенным, простым и одновременно удивительным человеком. Среднего роста, спокойный, немногословный, по-житейски обстоятельный, он мог любую конфликтную ситуацию между солдатами разрешить, сгладить по-доброму, и ни у кого не оставалось после этого обид.

Будучи строгим и справедливым, держал дисциплину в роте не хуже офицера. И солдаты избрали его не только в ротный, но ещё и в полковой комитет. На таких вот и держалась воинская дисциплина в казармах, когда уже и офицеры, бывало, оказывались бессильны.

А иногда шёл к знакомому монаху Иоанну Голошубину-Расстриге, служителю-звонарю Успенского собора в самом центре города, молодому графоману. Сошлись на литературе.

Расстрига три года назад написал объемную книгу «История Омской епархии», а теперь выдавал рассказы и фельетоны, в основном из жизни духовенства. Познакомились в главной городской библиотеке имени Пушкина.

Расстрига пускал Володю на колокольню, откуда можно было видеть весь город, а в ясную погоду даже и его ближние окрестности.

Какой это был вид!

Город как бы подминал под себя обширную сельскую округу, был её господином. Но кем бы он был без неё? Жених без невесты.

На десятки вёрст к югу, востоку и западу от него лежала лесостепь, а южнее – уже настоящая классическая степь, по которым были раскиданы белеющими мазанками-землянками бедные сёла русских и украинских переселенцев, нищие аулы киргизов (а точнее, киргиз-кайсаков), аккуратные раскрашенные словно игрушки, разноцветные поселения немецких колонистов. К югу от города, по берегам широкого и полноводного Иртыша – богатые казачьи станицы, а к северу, повдоль реки, среди лесных и притаёжных далей, рядом с убогими татарскими деревушками выросли зажиточные старожильческие сёла с пристанями, складами, амбарами и мельницами. А вдоль железной дороги, пересекающей край с запада на восток, – маленькие аккуратные станции и совсем крохотные полустанки.

Ничего подобного этому городу не было на сотни вёрст вокруг (небольшие городки Тара, Тюкалинск, Петропавловск, Ишим, Павлодар, Кокчетав, Славгород – не в счёт). Каменные проспекты и улицы 140-тысячного города (плюс около 40 тысяч гарнизона) со зданиями торговых фирм, кооперативных контор, различных правлений, банков… Театр, павильоны синематографа, телеграф, телефонная станция. И – магазины, магазины… В самом же центре – административные здания постройки времён Екатерины II и Александра I. В двух верстах южнее от городской черты – Железнодорожный посёлок – Атаманский хутор, железнодорожный узел с вокзалом, паровозным депо и мастерскими. И особая гордость города – Железнодорожный мост через Иртыш.

На зданиях города – разноцветные вывески организаций, предприятий, учреждений: завод Рандруппа, фабрика «Энергия», Городская электростанция, Правление Омского отдела «Закуп-Сбыт», Западно-Сибирский Союз кооператоров, Коалиционный комитет, Омский Совет, Исполком Советов крестьянских депутатов Западной Сибири, Областная продовольственная управа, Уездная продовольственная управа, Земельный комитет, Гарнизонный комитет, Штаб Омского военного округа, Военно-окружной комитет, Областное переселенческое управление, Омский отдел Московского общества сельского хозяйства, Транспортная комиссия, Военная призывная комиссия, Союз солдат-крестьян, Гарнизонный военный госпиталь, Городской театр, театры синематографа «Гигант», «Кристалл-Палас», «Саргон», «Прогресс», «Одеон», «Сфинкс»…

А на окраинах города – в «Нахаловке», «Порт-Артуре», «Мариупольских землянках» – бедность, нищета деревянных и саманных предместий с бараками, землянками, а то и просто норами. И чем дальше от центра города, тем больше нищеты, безысходности и отчаяния.

И дальнейшая судьба города, судьба его жителей – сегодня и в его, Володи, руках.

* * *

Именно благодаря вездесущему Расстриге Володя узнал, что при эсеровском партклубе «Земля и Воля» организовывается литкружок «Молодой Парнас», который устраивает раз в неделю по субботним вечерам свои собрания.

Стоял солнечный и одновременно промозглый, сырой от таяния снега апрель. В тот апрельский день Володя уже в третий раз пришёл на собрание кружка, который день ото дня постепенно увеличивал свои ряды.

Здесь общались в основном молодые, от 17 до 30 лет, люди разных званий и сословий и царил полный демократизм.

К этому времени Володя уже успел познакомиться с Всеволодом Ивановым, Александром Оленичем, Павлом Дороховым, Юрием Соповым, Игорем Славниным, поручиком Бариновым, анархистом Керей.

Рабочий паренёк Керя эпатировал присутствующих стихотворными политическими заявлениями анархистского характера, например:

Бога нет, царя не надо.
Мы исправника убьем.
Подати платить не будем
И в солдаты не пойдем [3].

Всеволод Иванов из Кургана, подвижный молодой человек в пенсне, со следами на лице нездоровой опухлости от частого голодания, с усталыми, чуть плутовскими и одновременно грустными глазами, был в поношенной потертой одежде и стоптанных расползающихся башмаках. Крутившийся как белка в колесе, работавший в типографии наборщиком, пытавшийся сочинять рассказы и печатать их в газетах, вступивший в марте сразу в две партии – эсеров и эсдеков, – он вызывал смешанное чувство уважения и жалости.

Молчаливый, сосредоточенный Игорь Славнин. Закончив к этому времени Омскую гимназию, успел поступить в Пермский (и вскоре перевелся в Томский) университет, но сейчас находился в Омске: скоро – каникулы, да и вообще время было такое бурлящее, что не до учебы. Как и многие молодые люди, симпатизировал (политически сочувствовал, как ещё говорили) эсерам.

Нина Подгоричани, то ли графиня, то ли княгиня, с выразительным взглядом больших черных восточных глаз, томная и неприступная, – дочь прокурора Омского военного округа генерала Подгоричани-Пе́тровича.

Тихий и скромный Юрий Сопов и его чудные, удивительные для такого молодого возраста стихи: о дружбе, любви, жизненных тревогах.

Как в кружке было принято, каждый желающий мог прочитать свое новое произведение или отрывок (если речь шла о прозе). И Юрий прочитал стихотворение «Дон Кихот». О чём оно было? О весне, о жизни, о любви и ещё… Да можно ли вообще рассказать, о чём произведение? Оно само о себе расскажет лучше всего:

Весна и в груди, и в поле;
все безгранично юно;
Я золотистый рыцарь,
жизнь посвятивший мечте;
Стремлюсь к берегам я лазурным,
царству принцессы лунной;
«Светлый луч во мраке» – девиз
на моем щите.

В солнце, и в смех, и в счастье
влюблен я почти безумно;
И ищу красоту я в жизни
И никак найти не могу,
А рок смеется капризно,
И годы в вечность бегут…

[3] Неопубликованные в печати стихи и вообще все рукописные материалы здесь и далее приводятся курсивом.

<…>
И кажусь я смешным и жалким,
и зовут меня Донкихотом,
Но влюбленный в неясные грезы
и в девиз на моем щите,
Верный рыцарской чести,
чуждый житейским расчетам,
Стремлюсь к берегам я лазурным,
дорогу ищу к красоте.
А река безумного времени
все течет и течет…

И в грудь мне впилося жесткое
Ядовито-змеиное жало.
И моя Дульцинея Тобозская
Простою крестьянкою стала,

Но моя принцесса лунная
все еще снится мне;
И шепчу её я имя,
нахмурив седые брови.
И умру я на своем Рассинанте,
по дороге к закатной стране,
Где все светло и юно,
где ценить умеют героев,
Где все земные желанья
сгорают в небесном огне…

Юрий Сопов и Всеволод Иванов, и это было заметно, не могли скрыть неравнодушия к Нино (именно так они её иногда звали). Юрий написал шуточное стихотворение и нарочито печальным тоном зачитал его на собрании кружка:

Почему не нравлюсь Нине я?
Почему ее глаза темно-синие
Смотрят на меня так строго?..
Почему не бывает замков из инея?
Почему на небо забыта дорога?..

Почему Нину знаю так мало я?
Почему у ней глазки усталые
И в морщинках весь лоб крутой?..
Почему ее губки алые
Целую не я, а другой?..

Почему же не нравлюсь Нине я?
Почему жизнь чертит прямые линии
И бросает цветы под копыта?
Почему не бывает замков из инея?
Почему на небо дорога забыта?..

Во время своего третьего посещения кружка Володя впервые увидел Наташу Гаврилову… Восторженная, общительная и обаятельная, простая и открытая, с изящными локонами, она обращала на себя всеобщее внимание, и Володе невольно вспомнилась Наташа Ростова.

– Не мог бы ты меня с ней познакомить, – обратился Володя к Расстриге, который уже успел познакомиться и даже подружиться почти со всеми, в том числе с Наташей.

– Обожаю поэзию! – сообщила Наташа Володе.

И, узнав, что Володя состоит в Гарнизонном комитете и Совете, бархатным голоском искренне призналась:

– Ах, я ничего, решительно ничего не понимаю в политике!

В тот апрельский день, точнее вечер, сырой и прохладный, Володя впервые проводил Наташу до дома – маленького аккуратного кирпичного особнячка почти в центре города.

В сумерках звонко раздавалась апрельская капель.

Он возвращался окрылённым этим почти случайным, но таким приятным знакомством.

В памяти, в душе волновали строки Юрия Сопова:

Весна и в груди, и в поле;
все безгранично юно;
Я золотистый рыцарь,
жизнь посвятивший мечте;
Стремлюсь к берегам я лазурным,
царству принцессы лунной;
«Светлый луч во мраке» —
девиз на моем щите.

* * *

Бурно прошёл первомайский праздник с митингом на стадионе Динамо, вернее на площадке, недавно отведённой для строительства этого стадиона. Между прочим, именно на этом месте, которое в 1850-е годы ещё было за городской чертой, Федор Михайлович Достоевский, узник Мёртвого Дома, закованный в кандалы, с другими каторжниками просеивал прибрежный песок для строительного раствора и с тоской смотрел на левый, западный берег Иртыша, где простиралась бескрайняя пустынная степь… Там он видел стадо и юрту киргиз-кайсака и очень-очень завидовал этому дикому и вольному человеку…

Володя случайно узнал: на днях, направляясь из Восточной Сибири в Петроград, проследовала через станцию Омск на скором поезде группа бывших политссыльных и политкаторжан, в числе которых – героиня русской революции Мария Спиридонова. Живая легенда! Проследовала с группой товарищей как-то незаметно, потому что, по понятным причинам, спешно: торопилась на съезд партии эсеров.

Как жаль, что не удалось устроить ей торжественную встречу и, конечно, более торжественную, чем та, когда в 1906 году её везли на каторгу через Омск…

А как бы хотелось поговорить с ней, расспросить. Нет, не из праздного любопытства, а для будущего романа.

Да, вот они – будни революции: бюрократия, канцелярщина и какие-то текучие и несущественные дела, дела…

Из газет:

Вести с фронтов

Помещаем весьма красноречивую выдержку из письма рядового фронтовика Действующей армии, которое попало к нам в редакцию: «Мы таких министров, как господин Милюков, не хотим знать. Одних врагов свергнули, а других нажили… Ежели в скором времени не будет мира, то бросаем позиции и уходим уничтожать тех, которые мира не хотят».

ПО РОССИИ
Кампания «Займа Свободы»
<…>
ПО СИБИРИ

Разоблачение провокаторов

Изобличен как агент охранки один из бывших лидеров эсеровского подполья города Томска Плотников («Студент»), пытавшийся, но не успевший занять высокий общественный пост в одном из революционных органов города. Сообщаем также, что, по данным жандармского архива, он был причастен к провалам эсеровской организации в Омске в 1907 и 1911 годах. Месяцем ранее в Томске был разоблачен провокатор Цветков, считавшийся одним из лидеров местной организации ПСР и уже занявший пост начальника городской милиции.

Обнаружены документы, изобличающие бывшего руководителя N-ского подпольного комитета ПСР Чернецкого в многолетнем, с 1907 года, сотрудничестве с Жандармским управлением. Копии материалов, изобличающих Чернецкого, отправлены в Штаб и Фронтовой комитет Юго-Западного фронта, где означенный Чернецкий, как оказалось, избран помощником председателя полкового комитета.

Народная героиня

Через города Сибири, возвращаясь с каторги, проследовала Народная Героиня Русской Революции Мария Александровна Спиридонова. Никаких торжественных встреч на станциях по пути ее следования сознательно проведено не было, так как она торопилась на открывшийся в конце мая съезд партии социалистов-революционеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.